

На часах — ангарское время

Надежда Полунина

Башенные часы с боем и музыкой привычнее встретить в каком-нибудь старинном, отсчитавшем не один век городе. Поэтому ангарские башенные часы, впервые огласившие округу 5 марта 1972 года, сразу стали достопримечательностью этого молодого сибирского города. Своим появлением ангарские куранты обязаны коллекционеру, часовых дел мастеру Павлу Васильевичу Курдюкову.

Ангарские куранты — местная достопримечательность, а вот коллекция собранных, отремонтированных, восстановленных и построенных Курдюковым часов составляет гордость не одного Ангарска и не Сибири только. Широко известный ангарский музей часов вошел в культурную сокровищницу страны.

Здесь я бывала неоднократно, но всякий раз, едва переступаю порог, меня завораживает неумолчная перекличка часов. Все механизмы — на ходу и у каждого свой голос. «Тэк-тэк» кокетливо выводят французские каминные часы в пышном бронзовом облачении, изображающем сцену охоты. Настенные часы в деревянных скромных футлярах одновременно и четко выговаривают «тик-так, тик-так». Величественен голос кабинетных часов в высоком пеналообразном корпусе с циферблатом, украшенным английским пейзажем. Висящие невдалеке крохотные (впору уместиться на ладони) ходики, расписанные полными цветами, взхлебывают «так, так, так», и

миниатюрный, под стать часам маятник мечется из стороны в сторону, пытаясь перегнать чопорного соседа. Не успеешь свыкнуться с неумолкающим разноголосьем на все лады «тик-так», как начинают бить французские настенные часы, оформленные в виде католической часовни. Остальные, будто дождавшись сигнала и встретившись от однообразного хода, принимают вызывание, выстукивать, выбивать, пришедший час всяк на свой

манер. В их дружный хор влетают отрывки музыкальных пьес, разноголосное кукование. Колонопреклоненный звонарь, венчающий корпус английских настольных часов, дергает за витой серебряный шнурок. Как заключительный аккорд, раздается короткое резкое «бом». После бурного всплеска непривычная тишина повисает в залах. Но вскоре знакомое «тик-так» снова слышится со всех сторон.

Много лет каждое утро, когда музей встречал первых посетителей, невысокого роста, худощавый, немолодой уже человек в рабочем халате неспешно переходил от экспоната к экспонату. Он отмыкал замысловатыми ключиками дверцы футляров, что-то бережно подправлял в темной таинственной глубине, скрывающей механизм, подтягивал гири, подводил стрелки. И, обойдя залы, уходил в кабинет, где рядом с письменным столом стоял верстак, были разложены инструменты, а вся комната, как и музейные залы, уставлена часами, ожидающими своей очереди на реставрацию. Хозяином этой комнаты и был Павел Васильевич.

Уже в немолодом возрасте — ему исполнилось пятьдесят — Павел Васильевич переехал из Новомосковска в Сибирь: он был приглашен в Ангарск механиком по ремонту контрольно-измерительной аппаратуры. Вскоре сослуживцы, соседи по дому прознали, что он знаток часовых механизмов, умеющий разгадать хитроумные секреты масте-

Каминные часы «Афина Паллада». Бронза, мрамор. XVIII в. Франция

Каминные часы.
Дерево,
инкрустация.
Индия (?). XIX в.
Их показывает
П. В. Курдюков

ров прошлого. Владельцы старинных хронометров, уверившись, что бесполезно идти в ремонтную мастерскую и отчаявшись видеть часы на ходу, стали приносить их Павлу Васильевичу.

Он самозабвенно занимался ими. Искал в литературе описания механизмов, уже давно не применявшихся в современной часовой промышленности, устанавливал имена мастеров, чтобы определить, когда и в какой стране часы были изготовлены. Потом стал обращать внимание на футляры часов, их декоративное оформление, пытаюсь определить породу дерева, расшифровать символы в украшениях. Устранив неполадки механизма, старался восстановить и сам корпус: негоже рабочему прибору находиться в расклеенном футляре с оторванными планками, оббитыми углами и облупившейся краской, с потускневшей бронзой и полустершейся позолотой.

На вопрос, сколько же часов прошло через его руки, Павел Васильевич безнадежно махал рукой. Можно ли сосчитать, если первые часы, попавшие к нему, вдребезги

разбитые, он собрал еще совсем мальчиком, в далеком детстве, удивив всех окружающих. С тех пор слава часового умельца не расставалась с ним. Он чинил часы родным и близким, товарищам по работе. Везде и всегда, сколько себя помнил. Но коллекцию стал собирать только в Ангарске. Казалось, и прежде, и не один раз, была возможность положить начало собственному собранию. Почему случилось это тогда, когда за спиной осталось полвека? Почему только в Ангарске?

Павел Васильевич рассказывал о себе, о своем увлечении, пытаясь ответить на мой вопрос. И становилось ясно, что не сразу, исподволь пришло понимание непреходящей исторической и художественной ценности старинных часов. Из часового мастера, любителя, каким был долгие годы, он незаметно для себя стал коллекционером-реставратором, настойчиво и целеустремленно собирающим часы разных времен и стран, желая как можно полнее в своем собрании представить историю развития часового дела.

Вначале часы приносили

ему друзья и знакомые. Нередко их отдавали как ненужный и бесполезный хлам, который лежал в кладовке, и все рука не поднималась расстаться со стариной. Сколько раз он принимал обломки, разрозненные детали того, что именовалось часами! Но чаще, познакомившись с коллекцией, люди, покоренные увлеченностью и страстностью Павла Васильевича, его умением и трудолюбием, приносили часы в дар и становились добровольными помощниками собирателя.

Иногда даже и сам Павел Васильевич удивлялся, как ему везло и какие редчайшие экземпляры попадали к нему. О природе подобного «везения» метко сказал писатель Валентин Распутин: «Случалось, что музею на редкость везло, особенно на первых порах, но затем это «везение» стоило его хранителям и приумножателям многих и многих трудов и сверхтрудов. Затем, очевидно, вступал в силу закон, по которому сокровища тянутся к сокровищам, то есть всевозможными прихотливыми путями попадают к тем, кто знает их подлинную

Часы настольные.
Бронза, стекло.
Япония. XIX в.
Стоит
У. Я. Курдюкова

цену и самоотверженно действует во благо родному городу». Это сказано о собрании Иркутского художественного музея, но в равной степени относится ко всем коллекциям и всем коллекционерам.

О коллекции Курдюкова заговорила печать. Павел Васильевич завел обширную переписку, а свой очередной отпуск проводил, как правило, в поездках по «часовым адресам». Сначала по близлежащим городам, затем маршруты стали уходить дальше. Из Читы он привез часы со скульптурой Афины Паллады, из Одессы — настольные, оформленные в стиле «буль», из Иркутска — часы в виде модели паровоза.

В Иркутске искал он часы мореплавателя Кука. О них писала «Иркутская летопись» (декабрь 1860 года): «Протоиерей Громов предлагает любителям редкостей большие столовые английские часы с боем, с показанием чисел месяца и фазов луны и с музыкальным отделом в 6 пьес, разыгрываемых колокольчиками, работы Эардлей Нортона в Лон-

доне. Часы эти были оставлены в Камчатке экспедицией знаменитого английского мореплавателя Кука. Из Камчатки вывезены в Иркутск в 1847 году. Подробная история и описание сих часов напечатаны были в Сев. Пчеле 1853 года № 60. Цена часов 200 руб. сер.»... Везде, где можно, Курдюков наводил справки, но, увы, следы затерялись.

Со всех уголков страны в Ангарск в дом Павла Васильевича стекались старинные часы, которые в большинстве своем, безмолвные и неподвижные, давно уже не служили хозяевам. Но из рук мастера выходили они с восстановленным ходом и музыкальным устройством, отлакированными боками, горящей бронзой и позолотой.

Часы заполнили весь дом. Они встречали вас в прихожей, висели на кухне, стояли, плотно придвинутые друг к другу, в гостиной и даже свисали с потолка. Это был настоящий музей, и в квартиру Курдюкова началось паломничество. Павел Васильевич вместе с женой Ульяной Яковлевной, разделявшей увлеченность

мужа, радушно встречал гостей. Как положено в музее, проводил экскурсии и даже завел книгу отзывов посетителей.

Коллекция переросла рамки домашнего собрания, и в 1967 году Павел Васильевич предложил ее Ангарску.

Вскоре в Ангарском краеведческом музее открылся отдел часов. И сразу стал популярен, получил известность.

При своей коллекции остался и Курдюков. К тому времени он вышел на пенсию и, поступив в музей на должность смотрителя, взял на себя весь уход за часами, продолжая пополнять ставшее уникальным собрание. Продолжал обширнейшую переписку, снова и снова отправлялся в путешествие за часами. Ввел за правило — в день своего рождения делать подарки своему детищу, музею.

Последнее такое подношение — пять старинных хронометров — музей получил от него 28 августа 1985 года. Павлу Васильевичу исполнилось 77 лет. А через несколько дней, 10 сентября, его не стало.

Биография этого замечательного человека до чрезвычайности проста и скромна. Не было у него не только высшего, но и среднего образования, не было никаких званий.

Как-то в разговоре с Павлом Васильевичем зашла речь об отличии ангарской коллекции часов от таких же собраний в других музеях. Первое он сразу же назвал сам: все механизмы в ангарском музее на ходу. Неисправных часов Павел Васильевич в музейное собрание не передавал. Второе отличие, как можно полагать, заключалось в том, что ангарская коллекция универсальна, она не ограничивается каким-либо хронологическим периодом производства часов или какой-то одной страной, определенным видом часов или механизмов. И еще, заметил Павел Васильевич, коллекция выделяется своей численностью — ведь количество часов уже перевалило за полтысячи.

В редком музее не найдется хотя бы одного старинного хронометра. Часы вообще благодатнейший материал для коллекционирования. Как утилитарный предмет, порожденный еще на заре цивилизации и необ-

ходимость в котором будет, по-видимому, всегда, он постоянно подвергался техническому усовершенствованию. Для мастеров прикладного искусства часы на протяжении веков являются объектом приложения умения и таланта. Трудно найти другой предмет, в котором так органично сочетались бы достижения технической мысли и опыт прикладного искусства. Отсюда и многогранность тематических часовых коллекций, которая вырисовывается даже из знакомства с музейной литературой. В одних коллекциях часы собираются по принципу уникальности технических конструкций, в других — как изделия декоративно-прикладного искусства, в третьих — как работа определенных выдающихся механиков-часовщиков. И практически во всех музеях присутствуют часы как мемуарии, связанные с историческими деятелями.

Музейных часовых коллекций существует не столь уж много, крупнейшие же из них вообще наперечет. За рубежом можно выделить одиннадцать собраний: Лондонский научный музей собирает часы как изобретения и образцы точной механики,

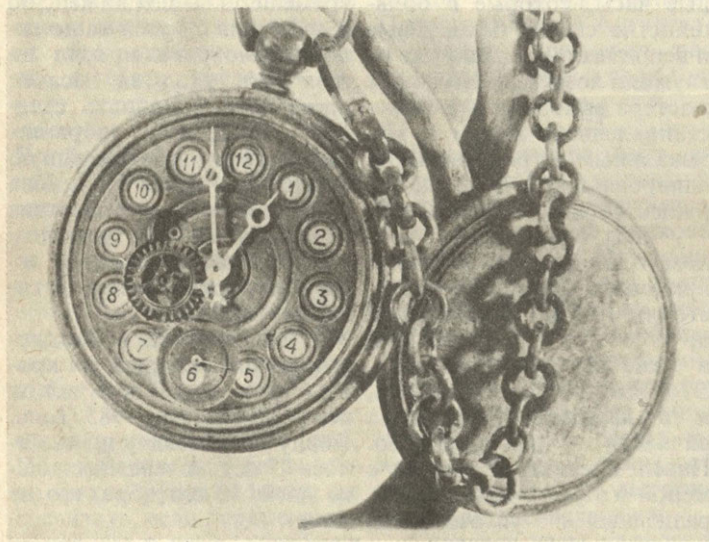
Британский музей — как памятники декоративно-прикладного искусства и уникальные работы механиков XVI—XVIII веков, Оксфордский музей истории наук обладает крупнейшей в мире коллекцией солнечных часов. В Моравской галерее в Брно, в Королевской академии наук и искусств в Барселоне, в Краковском историческом музее, в Дрезденском Цвингере, в Берлинском музее искусств и ремесла часы демонстрируются как произведения средневековой механики и образцы искусства. И лишь в трех городах открыты музеи часов: Венский музей старинных часов (Австрия), музей часов города Вуппертала (ФРГ), музей часов имени Пшиповских (Польша). В нашей стране наиболее значительными собраниями часов располагают Оружейная палата Московского Кремля — здесь прежде всего демонстрируются их драгоценные футляры, Павловский дворец-музей — в нем часы представлены как деталь дворцового интерьера, Коломенский музей-заповедник — образцы башенных часов XV—XVII веков, Эрмитаж — здесь механику выдающихся часовников-изобретателей, Политехнический музей коллекционирует часы в отделе точной механики. Кстати заметим, что в последнее собрание часть экспонатов поступила от Павла Васильевича.

Как видим, во всех собраниях — отечественных и зарубежных — часы собираются и демонстрируются каждый раз по-своему односторонне. Значит, действительно универсальная широта ангарской коллекции отличает ее от других.

И прав был Павел Васильевич, его коллекция самая крупная у нас в стране. Она насчитывает почти восемьсот часов. В собрании Политехнического музея — около 500, в остальных не более 100—150.

Перечислив отечествен-

Часы карманные. Дерево. Мастер из династии Брошниковых. XIX в.

ные и зарубежные музеи, назвав некоторые цифры, стоит призадуматься. Музеи располагаются или в столичных городах (Лондон, Берлин, Вена, Москва), или в древнейших, известных культурных центрах (Оксфорд, Брно, Барселона, Краков, Дрезден, Вупперталь) — в большинстве этих городов в течение веков работали ремесленники-часовщики. Казалось, сам бог велел иметь в таких городах собрания старинных часов. И вот деятельность практически одного человека в относительно короткий срок образует коллекцию, в какой-то степени сравнимую со столь прославленными собраниями. Каков должен быть труд этого человека, чтобы совершить — теперь уже об этом можно прямо говорить — подвиг?

Отрадно, что эта уникальная коллекция сложилась, стала принадлежать городу, который за малый свой век не успел нажать собственных раритетов. Тем самым историческая «память» молодого Ангарска выросла в масштабе немало, прикоснувшись к столетиям развития мировой цивилизации. К тому же ангарское собрание показывает часы всесторонне: с точки зрения развития технической мысли в изобретении и усовершенствовании часов и как предмет художественного творчества, составную часть убранства интерьера и как мемории, связанные с жизнью выдающихся людей, со знаменательными событиями.

Все великое множество существующих на свете часов по главнейшим своим характеристикам — типу колебательной системы и назначению — легко выстраивается в стройный порядок. По первому признаку они подразделяются на маятниковые, балансовые, камертонные, кварцевые, квантовые часы. По второму — на бытовые и специальные. Среди бытовых по условию использова-

ния различают наручные, нагрудные, карманные, настольные, каминные, настенные, напольные, каретные, уличные, башенные. Номенклатура специальных часов еще более обширна: часы сигнальные, табельные, процедурные, программные, дорожные, часы для подводного плавания, антимагнитные...

Если бы вздумали классифицировать их по материалу корпуса, в который заключены механизмы, то пришлось бы назвать дерево, и зачастую его редкие породы, камень, и прежде всего мрамор, гранит, а в отделке драгоценные и полудрагоценные камни, металл — бронзу, латунь, чугун и, конечно, золото и серебро, фарфор и фаянс, а в отделке — и черепаха, и слоночья кость, и эмаль, и перламутр.

Этот перечень приведен не случайно. Назовите любой тип часов, и вам его покажут в музее — за редким, быть может, исключением. Нет в музее башенных часов. Но, может, пока? Башенные часы в старину были почти в каждом сибирском городе. Местонахождение деталей от таких часов Павел Васильевич знал и мечтал восстановить их на «родном» месте, на церковных колокольнях.

А если вы желаете познакомиться с часами древнего мира — солнечными, водяными, песочными или огневыми? И это ваше желание будет удовлетворено. Правда, таких подлинных часов в коллекции нет, но есть модели этих простейших измерителей времени. Их воссоздал Павел Васильевич по старым описаниям и гравюрам. В работе ему помогала дочь, Нина Павловна, художница. И если о песочных и солнечных мы слышаны и, в общем-то, представляем их (солнечные сохранились на фасадах зданий в старых городах, песочные и до сих пор живы в медицинской практике), то водяные, а тем более огневые, пожалуй,

можно увидеть только здесь, в Ангарске.

Хронологический диапазон музейной коллекции поразителен: от середины третьего тысячелетия до нашей эры — именно тогда появились солнечные часы — и до часов, изготовленных для космической орбитальной станции «Салют»-6. Часы, «отработав» в космосе, были присланы ангарскому музею космонавтом Г. М. Гречко после его знакомства с Павлом Васильевичем и посещения музея.

Основу же музейной коллекции составляют часы с механическим (пружинным, гиревым) приводом, созданные в XVII—XIX веках мастерами Франции, Англии, Швейцарии, Германии, Чехии, Польши, Китая, Кореи, Японии, Индии, Турции, Америки, России — практически всех стран, где существовало часовое производство.

В экспозиции музея, развернутой в шести не очень-то больших залах, представлены почти все восемьсот экспонатов. И если плоды неустанной технической мысли, заключенные в часовых механизмах, большинству посетителей становятся ясны только после рассказа экскурсовода, то плоды художественной мысли поражают с первых же минут. Варианты художественного решения хронометров удивляют неистощимой выдумкой. Часы в виде луковицы, часы-чечевица, часы-корзина, букет, ваза; часы в виде палитры и набора кистей, часы-календарь, часы, оправленные в перстень, в зажим для галстука, в медальон, в заколку для женской прически; часы в виде часовни, надробного памятника, садовой беседки; часы-подсвечник, часы-скульптура. А рядом дань техническому прогрессу — часы, представляющие модель парового котла и миниатюрную копию паровоза «Овечка» с полным набором соответствующих деталей. Поблескивают

поршни, шатуны, кривошипы, золотники, маховики, выполненные из полированной бронзы. При желании механизм можно привести в движение, и все завертится, закрутится, а паровоз покажется по рельсам, на которых установлен.

О каждом экспонате можно рассказать немало интересного, но остановимся перед наиболее примечательными.

Богатством и разнообразием убранства отличаются часы работы французских мастеров. Париж в течение всего времени ручного изготовления механизмов сохранял первенство в художественной обработке корпусов. Наибольшее распространение во Франции получило производство каминных и настольных часов, как правило, украшенных то сценами охоты, то сюжетом из античной мифологии, то сложными орнаментальными композициями.

Золотым веком часового дела, в особенности это касалось часового корпуса и его отделки, был XVIII век. В начале этого столетия сложился самый роскошный тип часов: механизм настольных часов заключался в деревянный корпус, отделанный инкрустацией черепахой и латуной в виде усложненных орнаментов в дополнении с накладными украшениями из золоченой бронзы. Их создатель — знаменитый придворный художник Андрие-Шарль Буль (1642—1732). Искусный резчик по дереву, гравер, рисовальщик, позолотчик, он состоял в придворном штате при Людовике XIV и работал в мастерской, отведенной ему в галереях Лувра. Его изделия, а делал он всевозможную мебель для дворцов, отличавшаяся усложненной формой и изящной инкрустацией, которая в изобилии покрывала все поверхности, получили название «буль» — мебель «буль». Неудивительно, что в своей излюбленной технике мастер стал изготов-

ливать и часовые футляры — ведь часы были непременным атрибутом дворцовых интерьеров.

Часы в стиле «буль» представлены и в сибирской коллекции. На спинах четырех выполненных из бронзы и позлащенных как бы летящих коней, символизирующих быстротекущее время, покоится высокий, выше метра, корпус из сандалового дерева. Бронзовый медальон с ликом Людовика XIV в лучах восходящего солнца (придворные лыстцы называли его «король-солнце») венчает сложную композицию наверху. В центре бронзового циферблата снова портрет короля, и тот же ореол солнечных лучей окружает изображение. Вся поверхность корпуса покрыта растительным орнаментом, выполненным инкрустацией деревом по дереву и бронзовыми накладными украшениями, среди которых выделяются на боковых гранях корпуса статуэтки — изображения мифологических персонажей. В соседстве с сотнями других часов эти, бесспорно, — самые роскошные. Действительно, удивляешься, как такой редкий экземпляр раздобыл Павел Васильевич, и не только раздобыл, но и восстановил. Кто видел его реставрации их жалкое состояние, тот по достоинству смог оценить золотые руки ангарского умельца.

В развитие часового механизма вложен кропотливый труд многих мастеров. А все же «королем часовщиков» назвали французского механика-часовщика Луи-Авраама Бреге (1747—1823). Он основал всемирно известную фабрику, которая специализировалась преимущественно на выпуске карманных часов, отличавшихся не только большой точностью хода — технические усовершенствования принадлежали самому Бреге, но и сложный «репетицией». Они выбивали часы и четверти. Бой, кроме того, сопровождался музыкальной пьесой. Эта «репе-

тиция» исполнялась по желанию владельца — для того надо было нажать потайную кнопку на внешнем ободке корпуса. «Недремлющий брегет» — меткая характеристика, которую получили часы от А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»:

...Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

Луи Бреге подписывал свои изделия. Монограмма известного мастера украшает часы из коллекции ангарского музея. Они экспонируются в витрине с карманными часами и отличаются от своих собратьев классической строгостью и изысканной простотой внешнего оформления.

А вот другие часы французской работы. И тоже редкие, если не сказать, редчайшие. Павел Васильевич считал, что они сделаны по заказу в начале XIX века в единственном экземпляре. Пожалуй, это самый «тяжелый» экспонат — вес часов восемьдесят килограммов. Метровая бронзовая скульптура Афины Паллады спокойно и величаво возвышается на черном мраморном постаменте: в шлеме и панцире — в таком одеянии, согласно мифу, — вышла из головы Зевса богиня войны и победы.

Повторим, всех экспонатов не перечислишь. Неизменно привлекают посетителей «кукушки». Кто и когда придумал использовать голос птицы для отсчета проходящего времени? Считается, что «кукушка» изобретена около 1730 года немецкими часовщиками в Шварцвальде и изготавливается там до сих пор. В прошлом столетии такие «ходики» получили большое распространение. Их еще называли «крестьянскими часами»: стоили они недорого, и их ярко раскрашенные полевые цветы циферблаты можно было часто встретить

в деревенском доме. И в ангарском музее можно услышать не одну «кукушку», а самая старая, «шварцвальдская», подает голос уже более ста лет.

В России часовое производство не получило такого развития, как в Западной Европе. Большинство русских ремесленников-часовщиков занималось починкой заграничных механизмов. Тем не менее и Россия дала умельцев, изделия которых по мастерству и оригинальности замысла не уступали западноевропейским образцам. Широко известны часы выдающегося русского механика Кулибина. Удивили весь мир и мастера из династии Бронниковых.

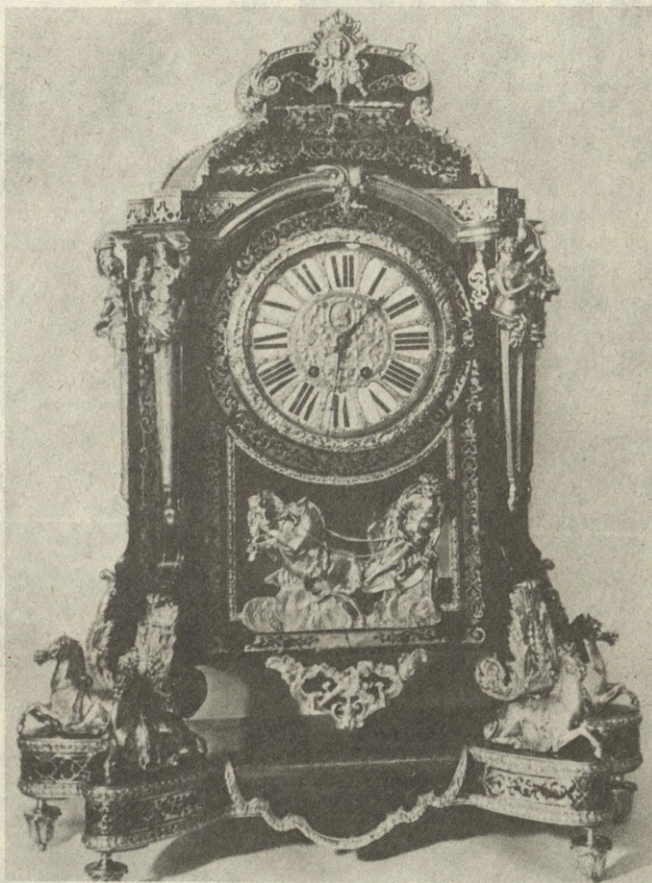
Основатель ее, Семен Иванович Бронников, жил в первой половине прошлого века в Слободском уезде Вятской губернии — из тех мест происходил, кстати, и Павел Васильевич Курдюков. Унаследовав семейную профессию краснодеревщика, он сызмала занимался кустарным промыслом и мастерил из дерева курительные трубки, портсигары, письменные приборы, ларцы, шкатулки, гармошки, мебель. Увидев однажды у приезжего приказчика заморскую диковину — карманные часы в серебряном корпусе, мастер загорелся желанием сделать такие же из подручного ему материала. Выточил из березового капа корпус, футляр и циферблат, из пластинок жимолости — стрелки, из пальмы — зубчатые шестерни. Но вот для главной детали механизма, для пружины, долго не мог подыскать подходящей породы: не закручивалось дерево в спиральку, подобно металлическому волоску. Выручил бамбук. Из тончайшей нити молодой закаленной древесины свил он пружину, и часы, которым было отдано семь лет труда, пошли.

Династия Бронниковых (после С. И. Бронникова часы делали два его сына,

Михаил и Николай, и внук Николай Михайлович) изготовила около сорока часов с «пальмовым ходом».

А сколько в музее экспонатов, которые, по семейным преданиям бывших владельцев, были связаны с именами известных людей! Настенные часы с необыкновенно тяжелой гирей, подвешенной на воловьей жиле, попали к Павлу Васильевичу от родственников писателя Алексея Толстого, другие — тоже настенные и в деревянном корпусе строгого классического рисунка — от родных Михаила Лермонтова. Часы, вставленные в фарфоровый корпус и с циферблатом, расписанным цветами, висели в доме потомков иркутского летописца В. М. Кротова и, по преданию, попали к нему от декабриста А. Н. Андреева.

От солнечных измерителей времени, служивших человеку в древности, до часов, вернувшихся из космического полета. От крошечных, предназначенных для перстня, до двухметровых кабинетных. От пышных, великолепных до самых непритязательных по форме... Коллекция музея говорит не только о творческой и художественной фантазии мастеров, но и о человеческой любознательности, преданности выбранному делу, о творческих возможностях человека, поставившего перед собой осознанную цель и шедшего к ней годами. Это прекрасное собрание является собой и будет являть неуываемое значение большого и доброго дела, свершенного ангарским тружеником Павлом Васильевичем Курдюковым.

Каминные часы в стиле «буль». Дерево, никрустация бронзой, золочение. Франция, мастер Дарейн. XVIII в.